

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008(510)+221

КИТАЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДУШЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ПУ СУНЛИНА

М.А. ИСАЧЕНКОВА

(Белорусский государственный университет, Минск)

Рассматриваются представления традиционной китайской духовной культуры о душе. В качестве источника использованы произведения одного из самых известных писателей Китая Пу Сунлина (XVII в.). Предпринята попытка систематизации сведений из «Рассказов Ляо Чжэя о необычайном» о душах человека при жизни и их посмертной судьбе, сделаны выводы об изменениях традиционных верований китайцев.

Ключевые слова: традиционная китайская культура, Пу Сунлин, «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном», душа, хунь, шэнь, гуи.

Введение. В религиозных воззрениях китайцев чрезвычайно сложными выглядят представления о душе, скорее, душах человека, при жизни и их посмертной судьбе. Средневековая китайская литература насыщена историями о существовании души вне физической оболочки как при жизни хозяина, так и после смерти. Помимо фольклора традиционные народные верования находят отражение в художественной литературе. В российском Китаеведении есть исследования, обобщающие сведения по этому поводу.

В книге «Бесы, лисы, духи в текстах Сунского Китая» И.А. Алимов один из разделов посвящает анализу мотивов, связанных с душами умерших, в антологии «Тай-пин гуан цзи» («Обширные записки годов Тай-пин»), которая включает 343 прозаических сборника, относящихся ко времени с эпохи Хань по начало династии Сун (с 206 г. до н.э по 977 г.) [1, с. 10–46].

Рассматривая материал, касающийся исключительно душ умерших (鬼 *гуи*), И.А. Алимов пришел к выводу, что «в обыденном сознании китайцев главной и характерной особенностью души умершего считалась самая ее способность к возвращению» [1, с. 43]. На основе исследования ученого можно сформулировать следующее. Души умерших могут возвращаться в земной мир и вступать в контакт с живыми людьми во сне и наяву, в облике видимом или незримом. Чаще они возвращаются к родным или друзьям, чтобы предсказать какие-то события, оказать помощь или наказать за невыполненное обещание. Их приход может быть связан и с желанием рассказать о загробном существовании, предупредить о необходимости соблюдать буддийские заповеди и предписания. Важными причинами появления души может стать состояние тела умершего, если оно не погребено, или захоронение совершено не по правилам, или могила по каким-то причинам повреждена. Чаще всего, посещение это ограничено во времени.

На долгое время души умерших могут возвращаться, став призраком. Их цель – получение жертвоприношений. Деятельность одних призраков ограничивается нанесением вреда живым людям, незначительными проделками. Есть призраки, которые могут влиять на судьбу человека. Души умерших, чаще мужчин, могут входить в контакт с незнакомыми им при жизни людьми, обладающими определенными талантами или добродетелями. Большое количество произведений посвящено любовным отношениям между живым мужчиной и умершей женщиной. Истории такого рода основаны на представлениях о том, что мужская жизненная энергия, содержащая светлое начало *ян*, способствует усилению сверхъестественных свойств призрака, приобретению им устойчивой человеческой формы. В результате мужчина начинает болеть, но умершие женщины, как правило, не имеют злого умысла, а поступают так в силу присущего им естественного свойства стихии *инь*, поэтому сами оставляют своих возлюбленных и даже помогают им [1, с. 45].

В целом, «к X в. образы злобных, вредоносных призраков в сюжетной прозе уступают место душам умерших, не несущим зло без разбора, самим фактом своего появления» [1, с. 44].

На основании внешних различий И.А. Алимов выделяет три устойчивые группы: «Первая: души умерших, являющиеся в человеческом облике (великаном или карликом), но с каким-либо необычным свойством: черты лица, хвост, лапы тигра и пр. Вторая: души, являющиеся в звероподобном облике, ино-

гда с элементами человеческого тела. Третья: души умерших, являющиеся в нормальном человеческом обличье. Душам умерших женщин свойственна, как правило, неземная красота» [1, с. 46]. В заключение ученый делает вывод о синкретичности понятия *зуй*, что является следствием его «функциональной неразделенности».

В статье «Представление о человеческих душах в китайской новелле VII–X веков» А.Г. Сторожук рассматривает описания духовной субстанции, пребывающей вне физического тела, и разделяет их на три группы: «1. Описание души, покинувшей тело с помощью магических манипуляций. 2. Описание души, покинувшей тело во время сна или болезни или в результате необыкновенно сильного переживания. 3. Описание души, покинувшей тело в результате преждевременной, то есть не определенной волей Неба, смерти» [2, с. 249]. Автор анализирует описания состояния души не только после смерти, но и временного пребывания вне тела при жизни героев. По поводу внешних характеристик ученый отмечает: «Покинувшая тело духовная сущность может изображаться как совершенный аналог человеческому телу, как некоторая эфирная субстанция, способная трансформироваться, изменяться в размере и переселяться в другие тела, и как совокупность множества эфирных субстанций, соответствующих количеству эфирных составляющих тонкого тела» [2, с. 250].

Наше исследование посвящено вопросу, насколько изменились представления спустя века. Для анализа использованы «Рассказы Ляо Чжэя о необычном» (《聊齋誌異》), законченные приблизительно в 1679 г. и созданные на широко известных народных легендах и преданиях. Действие в произведениях Пу Сунлина (蒲松齡) разворачивается преимущественно в Шаньдуне, поэтому, предположительно, в них отражены традиционные представления этого региона.

Основная часть. Сведения из рассказов Пу Сунлина систематизировать трудно. В основание классификации могут быть положены разные признаки: душа покидает тело временно или навсегда, во сне или наяву, по собственному желанию или подчиняясь воле мага и т.д. Часто эти признаки смешиваются.

Сначала остановимся на описаниях *временного* ухода души.

Душа может путешествовать *во время сна*. В произведении «Оживший Ван Лань» (《王蘭》)¹ есть эпизод, рассказывающий, как девушке была возвращена душа (魂 *хунь*), похищенная во время ее прогулки в саду. После выздоровления девушка вспоминает, как некий молодой человек загородил ей дорогу: «Юноша дал мне лук и велел стрелять. Я застыдилась и закричала на него, но он сейчас же схватил меня и посадил на лошадь, сел со мной, и мы поскакали. «Я люблю с тобой играть, – говорил он мне, – не стыдись!» Через несколько верст мы въехали в горы. Я сидела на коне, кричала и бранилась, юноша рассердился и столкнул меня так, что я упала у дороги. Хотела идти домой, но не знала куда. Но вот идет какой-то человек, берет меня за руку, и мы быстро мчимся, словно скачем на коне... И в мгновение ока мы дома. Все это произошло быстро, словно во сне, от которого просыпаюсь» [3, с. 110]. Прогулка происходила во время путешествия души во сне, когда она и была похищена злым призраком. Помощь оказывает умерший Ван Лань, ставший бессмертным в загробном мире (鬼仙 *гуйсянь*). Интересно, что свою путешествующую душу героиня воспринимает как целостную личность, наделенную физическим телом.

Молодой человек, герой рассказа «Красавица Цинфэн» (《青鳳》), объясняется поразившей его своей красотой девушке: «Я мечтал о тебе, я думал о тебе целые дни. И ночами во сне с тобой была слита моя душа» [3, с. 76] (“日切懷思，系于魂夢”², букв. ‘днями душа думала, связывалась в сновидениях’).

Наяву, как правило, душа покидает тело *вследствие психического потрясения*. Например, в рассказе «Смешливая Иннин» (《嬰寧》) душа (神魂 *шэньхунь*) покидает молодого человека, покоренного красотой девушки (“神魂喪失”, букв. ‘душа потерялась/исчезла’). Герой «перестал говорить и даже есть, чем сильно встревожил мать, которая позвала монахов, служила молебны, но больному стало еще хуже – у него заострились кости, обтянулась кожа, и стал он скелет скелетом» [3, с. 21]. Из этого состояния он выходит самостоятельно, без посторонней помощи, когда отправляется на поиски и находит понравившуюся красавицу. В литературе более раннего периода в таких случаях, как правило, было необходимо вмешательство колдуна или монаха.

В новелле «Нежный красавец Хуан Девятый» (《黃九郎》) описывается ситуация, когда студент Хэ, взволнованный встречей с необычным молодым человеком, «стал смотреть на юношу, душа его вы-

¹ Названия рассказов Пу Сунлина на русском языке приводятся в переводе В.М. Алексеева [3]. В скобках даны оригинальные названия.

² Фрагменты оригинального текста рассказов Пу Сунлина приводятся по [4].

шла из своего, так сказать, жилища и он, поднявшись на цыпочки, провожал юношу глазами до тех пор, пока не исчез его силуэт. Только тогда он вернулся к себе»³ [3, с. 662].

Душа может перемещаться *наяву* в другое тело для выполнения определенной миссии. Когда герой повествования «Сян Гао в тигре» (《向杲》) хочет отомстить за брата, даос перемещает его душу в тело тигра. Исполнив мечь, тигр погибает, а душа возвращается в собственное бездыханное тело, которое оживает [3, с. 186–188].

Навсегда душа уходит со смертью человека. Чаще истории повествуют о судьбе души, покинувшей тело в результате преждевременной смерти.

«Ван Лань из Лициня скоропостижно умер» – так начинается рассказ «Оживший Ван Лань» (《王蘭》) [3, с. 108]. Судья мертвых Яньван обнаружил, что это произошло по ошибке одного из бесов, и приказал вернуть Вана к жизни. Оказалось, что труп уже разложился. Тогда бес украл у лисицы во время ее практики самокультивации пилюлю бессмертия и отдал молодому человеку, чтобы загладить свою вину по поводу преждевременной смерти героя и сделать его святым среди бесов (鬼仙 *гуйсянь*). За лечение людей в новом статусе Владыка (帝 *Ди*) присвоил Ван Ланю «титул вестника Чистого Дао» (清道使 *циндаоши*). Создается впечатление, что облик и поведение душ умерших передается непоследовательно, нелогично, но автора это не смущает. Жена, дети, ближайший друг умершего Вана видят его как живого, но для других людей он незрим. Так, когда Ван хочет помогать больным, а для этого необходимо общаться с людьми, посредником выступает его друг Чжан: «Я могу лечить без лекарства <...>. Решать будущее без гаданья. Я хотел бы принять свой вид, но боюсь, что те, кто меня знает, испугаются меня как наваждения» [3, с. 108]. В новом облике он встречается с умершим земляком Хэ Цаем. Они оба остаются невидимыми, но крики Цая слышит проезжающий мимо цензор. Чиновник обнаруживает на месте только Чжана, которого и вынуждает рассказать правду. Ночью во сне к нему является человек в золотых латах, который подтверждает истинность слов Чжана [3, с. 111]. Итак, в новелле раскрывается мотив преждевременной смерти, не определенной волей Неба. В загробном мире умерший становится бессмертным призраком, приносящим пользу людям.

Чиновник Ван Юньцан, герой рассказа «Бог града» (《雹神》), по дороге к месту службы в Чу попадает на аудиенцию к Небесному Учителю – магу, имеющему власть над силами природы и пребывающему на горе Дракона и Тигра⁴. Там он встречается с Богом града, который оказывается его бывшим земляком Ли Цзочэ. По приказу Верховного Владыки тот должен сыпать град недалеко от родины Вана. Чиновник молитвенно просит о помощи. Небесный Учитель не может отменить «яшмовый указ», но дает Градовику наставление: «сыпь в горы и доли, не вреди посевам». Позже Ван Юньцан узнает, что в этот день в его родных местах действительно был град, который, однако, не нанес ущерб полям [3, с. 628–629]. Автор не раскрывает, почему человек становится Градовиком, но отражает известный для традиционной культуры Китая мотив пополнения и обновления пантеона из числа реально живших людей. Если в рассказе «Оживший Ван Лань» герой в потустороннем мире становится бессмертным бесом (鬼 *гуй*), то Ли Цзочэ удостоивается там титула божества (神 *шэнь*).

«Рассказы Ляо Чжая» отражают и самый, пожалуй, популярный традиционный мотив – состояние неуспокоенной души после смерти.

Одна из героинь рассказа «Чародейка Ляньсян» (《蓮香》) умерла ребенком, однако у нее, «как у тутового червя, несмотря на смерть, остатняя нить еще не оборвалась» [3, с. 45]. Она вступает в интимную связь с молодым человеком Саном, что приводит его к тяжелому недугу. Ляньсян, фея-лиса, по этому поводу замечает: «бесов, не вредящих людям, конечно, нет, ибо мрачный могильный дух в них слишком уж силен». Девушка-призрак, чтобы спасти возлюбленного, покидает его [3, с. 40–51].

Плотник Фэн Мин-хуань («Плотник Фэн» 《馮木匠》) тайно встречается с девушкой, но когда приводит домой свою возлюбленную, никто ее не видит. Молодой человек понимает, что она не человек. Из-за связи с бесом силы его оставляют, он обращается к магу с просьбой изгнать нечистую силу, но тот не может помочь. Дева сама приходит проститься, заявляя, что «всякая связь в этом мире имеет свой срок» [3, с. 112].

Это универсальный мотив, отражающий представления об «неизжитом» веке, когда смерть настаивает молодого человека или того, кто не завершил важные дела на земле. Героини этих рассказов – рано

³ “何生素有幽神之癖 睹之 神出於舍 翹足目送 影滅方歸”。 (“神出於舍”, букв. ‘душа вышла из жилища’).

⁴ Небесный Учитель – Чжан Даолин, основатель первой даосской школы. Горы Дракона и Тигра (龙虎山, Лунхушань, совр. пров. Цзянси) считаются родиной даосизма и центром Школы Небесных Наставников.

умершие, а потому неуспокоенные девушки, становятся призраками и в силу своей природы пытаются питать силы за счет мужской энергии, но они испытывают искренние чувства, и когда предмет их привязанности начинает болеть, добровольно уходят, не желая приносить страдания.

Душа может быть похищена и подчинена желаниям мага. В новелле «Девушка из Чанчжи» (《長治女子》) описывается, как даос, вырезав девушке сердце, пытается ею манипулировать: «И вот девушка чувствует, как ее душа взлетела, вспорхнула, отошла от своей оболочки и так осталась⁵. <...>. Взглянула на даоса. Он взял кровь ее сердца и кропил на деревянную куклу. Вслед за этим он сложил пальцы и стал творить заклятие. Девушка почувствовала, что теперь деревянный человек с ней сливается» [3, с. 168]. Даос приказывает служить ему и дает первое задание, при этом ставит условие вернуться в заданное время: «Если опоздаешь на четверть часа, я возьму иглу и уколю твое сердце, чтобы причинить тебе живую боль. Опоздаешь на две четверти, уколю двумя иглами. Если ж на три четверти часа опоздаешь, я доведу твою душу до полного уничтожения» [3, с. 168]. Девушка не успела точно выполнить наказ, и тело ее стало тяжелым; как можно понять, она частично «приобрела» физические свойства, стала слышима для окружающих людей, но невидима. Чиновник понял, что это обиженный бес (冤鬼 *юаньгуй*), и «тоном заклинания» приказал изложить, что случилось, пообещав помочь. Девушка рассказала правду. Даос был схвачен и наказан, а девушка попросилась остаться у начальника канцелярии и скрылась в его покоях. Чиновник был очень удивлен, но потом узнал, что жена родила девочку. Таким образом душа обиженной девушки из Чанчжи нашла новое пристанище, новую телесную оболочку [3, с. 167–170].

В этом рассказе, помимо мотива ухода души в результате внешнего воздействия (колдовства), показан особый мотив – вселение души после физической смерти в новое тело. Данная тема встречается у Пу Сунлина в разных вариантах.

Например, в уже упомянутом рассказе «Нежный красавец Хуан Девятый» (《黃九郎》) погибший студент Хэ «вернулся своей душой в чужое, заимствованное тело» [3, с. 666–668] (“其借軀返魂”). Он не захотел остаться в новом доме и «побежал в свое старое жилище» [3, с. 668].

В «Чародейке Ляньсян» (《蓮香》) повествуется, как «дочь одного богача, Чжана, по имени Яньэр заболела <...> и умерла пятнадцати лет от роду. Но вот в конце ночи она вдруг оживает, встает, озирается и хочет убежать. Чжан запер дверь и не позволил ей выходить. Девушка же говорила, что она душа дочери судьбы и что она тронута любовью студента Сана: даже башмачок ее у него оставлен» [3, с. 48]. Так нашла пристанище бесприютная душа девушки-беса, о которой мы уже писали выше.

Все истории такого типа отражают идею, что оживающий человек имеет только прежнее тело, но его душа, его внутренний мир, характер, привычки приходят со вселившейся душой, демонстрирующей, помимо прочего, степень духовной зрелости. В новелле «Душа чанцинского хэшана»⁶ (《長清僧》) рассказывается, как умер буддийский монах, а его душа *хунь* выпорхнула (“魂飄去”, букв. ‘унеслась’) и вселилась в тело только что погибшего молодого человека. Очнувшись, герой долго не понимает, почему он, хэшан, находится в богатом доме в Хэнани далеко от своего чунцинского монастыря. Воскресший монах помнит, «как вернулась к жизни его душа, что и как он делал всю свою жизнь» [3, с. 141–143]. В послесловии к новелле автор рассуждает: «Человек умирает – душа исчезает. Если же она не исчезает, промчавшись тысячи верст, это значит, что нравственная ее природа совершенно утвердилась. Я удивляюсь не тому, что этот хэшан дважды родился, а тому, что он, очутившись в месте, где царили красота и роскошь, сумел отрешиться от людей и убежать» [3, с. 143] (“人死則魂散，其千里而不散者，性定故耳。余于僧，不異之乎其再生，而異之乎其入紛華靡麗之鄉，而能絕人以逃世也”).

Обилие мотивов и тем, связанных с поведением души при жизни и судьбой после смерти, раскрывается в рассказе «Воскресший Чжур» (《珠兒》). У богатой немолодой пары Ли умирает единственная дочь, но через некоторое время у наложницы рождается сын. Мальчик, которого назвали Чжур, оказывается очень здоровым физически, но слабоумным. Родители души в нем не чают, но кривой хэшан, которому отец не дал денег, отнимает колдовством жизнь сына. Уездный начальник наказывает монаха, после чего в доме Ли появляется мальчик семи-восьми лет. Старик обращает внимание, что «мальчик то скрывается из глаз, то вновь появляется и, вообще, виден в каком-то тумане, неясной мгле, словно кажется темному сознанию» [3, с. 174]. Мальчик-призрак легко преодолевает любые препятствия. Он рас-

⁵“女覺魂飄飄離殼而立”。 Душа (覺魂 *цзюэхунь*) легко вознеслась (飄飄 *пяопяо*).

⁶ Буддийский монах.

сказывает, что жил в Сучжоу в семье Чжань, но рано осиротел. Однажды злой хэшан «околдовал и убил меня под тутовым деревом. Потом стал мной помыкать, как тигр бесом. Обида моя была заперта в родниках могилы⁷; сам я не мог высвободиться и превратиться в живого, но вот, к моему счастью, благодаря тебе, дедушка, начисто смыта несправедливость, и я хочу стать твоим сыном» [3, с. 174]. Ли удивляется: «Человек

и мертвый дух <...> идут разными путями. Разве могут они жить друг с другом?» Но мальчик настаивает и остается. Узнав, что прошло восемь дней после смерти Чжура, он предлагает открыть гроб и посмотреть, начал ли разлагаться труп. Когда тело достали, мальчик исчез, а через некоторое время Чжур ожил да к тому же стал гораздо умнее. «Однако ночью он опять лежал вытянувшись и без малейшего дыхания. Вокруг него стояли и смотрели: он был темен и суров, словно мертвец. Думая, что он опять умер, дались диву. Однако, как только стало светать, он проснулся, как будто от какого-то сна» [3, с. 176]. «Новый» Чжур обладает способностью к сношению с загробным миром, рассказывает, что умершая сестра – Хуэй – на том свете вышла замуж за младшего сына Чуцзянского князя, и ее жизнь благополучна: «Раз человек умер <...> у него вообще с родными по крови не остается никаких связей. Однако если с ней немного поговорить о том, что было в ее прежней жизни, то она словно проясняется и начинает вспоминать и задумываться» [3, с. 176]. Сестра принимает решение посетить близких ей людей. Сначала с ней может общаться только брат, для остальных родственников она остается невидимой, поэтому она входит на время в тело своей подруги, предварительно предупредив ее об этом во сне. Во время разговора с матерью девушка ведет себя, как Хуэй при жизни. Когда заболевает старый Ли, ему на помощь из потустороннего мира является зять. Чертей, посланных за душой Ли, он привязывает к седлу и увозит, обещая просить у Великого царя по сто лет для родителей жены. Болезнь старика уходит. Чжур растет умным и добрым. Используя свои возможности видеть скрытый мир, он помогает людям, что не нравится бесам, которые насылают болезнь, и Чжуру приходится отказаться от деятельности.

Как видим, в рассказе переплетено большое количество мотивов, которые по отдельности встречаются в других произведениях Пу Сунлина: 1) монах колдовством отнимает жизнь мальчиков, манипулирует их душами; 2) умерший мальчик из семьи Чжань становится призраком, пытающимся материализовать тело; 3) его призрак входит в тело умершего Чжура, который оживает, но имеет способности и привычки прежнего обладателя души; 4) душа Чжура на том свете перерождается; 5) в этот мир его душа приходила потребовать долг: раньше она принадлежала кредитору его отца; 6) «новый» Чжур обладает способностями к сношению с загробным миром, к врачеванию; 7) умершие имеют разную посмертную судьбу: могут быть бедными и богатыми, успешными и несчастными; 8) умершие могут проникать в мир людей, по-разному проявляя себя и др.

Заключение. Проанализировав основные темы и мотивы, связанные с представлениями о душе в «Рассказах Ляо Чжяя о необычайном», можно сформулировать следующее. При всем том, что «все рассказы Ляо Чжяя занимают исключительно сношением видимого мира с невидимым при посредстве бесов, оборотней, лисиц, сновидений и т.д.» [3, с. 17], заметно, что данных конкретно о душах в них меньше по сравнению с литературой предшествующего периода, однако перечень тем и мотивов отличается мало. Наиболее часто встречается мотив, связанный с поведением персонажа после физической смерти. Иной свет описывается похожим на земной: там усыновляют детей, выходят замуж, женятся. Грань между мирами такая тонкая, что возможно даже перемещение вещей. При определенных обстоятельствах умерший может получить божественный статус (鬼仙 *гуйсянь*, 神 *шэнь*) или стать демоном (鬼 *гуй*). Призраки рисуются антропоморфными, лишены той монструозности, о которой упоминает И.А. Алимов. Практически исчезает и демонизм в их характере и поведении. Манеры, привычки (神情 *шэньцин*) пришедшего призрака проявляются как при жизни. Как правило, люди не видят призрак, но могут его слышать. Призрак способен к «материализации», когда ведет жизнь «земную»: ест пищу, спит, вступает в сексуальные отношения с живым партнером. При этом он наделен способностями, превышающими возможности человека. Как правило, бесы Пу Сунлина не хотят приносить несчастья людям, но могут это делать в силу своей природы. Так сохраняются представления о *гуй*, свойственные архаической эпохе, когда дух умершего мыслился беспокойным, мятежным [5]. Тем не менее, есть изменения в оценке и описании призраков, которые намечаются еще в танскую эпоху. Это уже не просто «записки о необычайном», а настоящие литературные произведения с разработанными фабулой и образами героев. Образы вполне «человеченные», что заставляет читателя сопере-

⁷ «В родниках могилы» – 泉冢 *юань* – в мире мертвых. Древнейший китайский образ загробного мира.

живать герою. Указанные изменения происходили постепенно и связаны с изменениями модели мира в ходе эволюции китайского этноса.

В целом, и во второй половине XVII века представления традиционной китайской культуры о духовной субстанции, имеющей возможность существовать самостоятельно, переноситься на любые расстояния и с большой скоростью, оказывать влияние на состояние здоровья человека, его судьбу, были достаточно распространены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимов, И.А. Души умерших в «Тай-пин гуан цзи» / И.А. Алимов // Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. – СПб. : Наука, 2008. – С. 10–46.
2. Сторожук, А.Г. Представление о человеческих душах в китайской новелле VII–X веков [Электронный ресурс] / А.Г. Сторожук // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/978-5-88431-141-1/978-5-88431-141-1_19.pdf. – Дата доступа: 20.10.2019.
3. Пу, Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника / Пу Сунлин ; пер. с кит., предисл., ст., коммент. акад. В.М. Алексеева. – СПб. : Петербург. востоковедение, 2000. – 784 с.
4. 蒲松齡 聊齋誌異 // 维基文库 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E8%81%8A%E9%BD%8B%E5%BF%97%E7%95%B0>. – Дата доступа: 09.01.2020.
5. Исаченкова, М.А. Формирование понятий 神 *шэнь* и 鬼 *гуи* в свете бинарных представлений древних китайцев / М.А. Исаченкова // Традиционная духовная культура восточнославянских и китайского народов. – Гомель : ГГУ им Ф.Скорины, 2019. – С. 91–96.

Поступила 07.04.2020

CHINESE SHOWS ABOUT THE SOUL IN THE WORKS OF PU SUNLIN

M. ISACHENKOVA

The article considers the ideas of traditional Chinese spiritual culture about the soul. The works of one of the most famous writers of China – Pu Songling (XVII century) are used as the source of the study. The author tried to systematize information from «Strange Tales from Liaozhai» about human souls during life and their posthumous fate, made conclusions about changes in the traditional Chinese beliefs.

Keywords: traditional Chinese culture, Pu Songlin, «Strange Tales from Liaozhai», Soul, Hun, Po, Shen, Gui.